PV
3401
Введ

РЕЛИГІОЗНЫЕ ИДЕАЛЫ

А. С. ПУШКИНА.

С. Введенскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1899.

[illegible]

РЕЛИГІОЗНЫЕ ИДЕАЛЫ

А. С. ПУШКИНА.

С. Введенскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1899.

Пров. 1955

Пр.

РV
3401
Введ

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, Епископъ **Антоній.**

БИБЛІОТЕКА
[illegible]
АКАДЕМІИ.
3360
25

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1899 годъ.

На порогѣ двадцатаго столѣтія нашему обществу предстоитъ трудная и отвѣтственная задача — достойнымъ образомъ помянуть великаго русскаго поэта. Трудность этой задачи обусловливается тѣмъ, что мы далеко къ ней не готовы. Мы не знаемъ еще какъ слѣдуетъ Пушкина ни какъ человѣка, ни какъ писателя. У насъ нѣтъ доселѣ ни обстоятельной его біографіи, ни критическаго изданія его сочиненій [1]). Но прискорбнѣе всего то, что произведенія Пушкина еще не дождались такой серьезной оцѣнки, которая исчерпала бы по возможности со всѣхъ сторонъ ихъ идейное содержаніе. Самъ Пушкинъ, много терпѣвшій отъ пристрастнаго отношенія къ нему современниковъ, говорилъ: „потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива“ [2]). Такими „поздними потомками“ съ полнымъ правомъ можно назвать наше поколѣніе. Отсюда и самъ поэтъ, живущій доселѣ „въ завѣтной лирѣ“, и то „младое племя“, которому принадлежитъ начало слѣ-

---

[1]) Существующія же изданія Пушкина не могутъ похвалиться не только безусловною правильностію текста, но даже и его полнотою. До сихъ поръ еще возможны находки Пушкинскихъ рукописей „въ сараѣ, среди заплѣсневѣлыхъ и отчасти даже полусгнившихъ книгъ“ (*Д. Сапожниковъ*. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. М. 1899).

[2]) Къ другу стихотворцу (1814 г.).

дующаго вѣка, въ правѣ теперь требовать отъ насъ „справедливой дани“. Въ этомъ смыслѣ мы и назвали отвѣтственной нашу задачу при юбилейномъ торжествѣ.

Но это сознаніе неподготовленности къ надлежащему выполненію задачи не должно оставаться однимъ безплоднымъ сѣтованіемъ. Напротивъ, на всякаго почитателя Пушкинской поэзіи оно налагаетъ обязанность посильно содѣйствовать тому, чтобы въ духовномъ образѣ поэта были освѣщены по крайней мѣрѣ всѣ наиболѣе существенныя черты. Принадлежа къ числу искреннихъ поклонниковъ Пушкина, мы хотимъ предложить вниманію читателей свой опытъ выясненія одной, наиболѣе важной (если не самой важной), но менѣе всего изученной стороны въ произведеніяхъ Пушкина. Мы разумѣемъ именно сторону *религіозную* [1]).

Пушкинъ и *религія*... Для многихъ такое сочетаніе покажется довольно страннымъ или по меньшей мѣрѣ — неожиданнымъ. Всѣ мы на школьной скамьѣ заучили „Пророка“ и „Молитву“ (Отцы пустынники и

---

[1]) Вопросъ о религіозномъ элементѣ въ творчествѣ Пушкина доселѣ не былъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Въ обширной литературѣ объ этомъ поэтѣ (указатель ея по 1886 года, составленный *В. Межовымъ*, заключаетъ въ себѣ 4587 №№; важнѣйшіе труды и матеріалы, появившіеся послѣ этого времени, перечислены въ Энциклопедическомъ Словарѣ *Брокгауза*, полутомъ 50, стр. 849—851) можно назвать лишь двѣ брошюры, имѣющія близкое отношеніе къ нашему вопросу, а именно: *В. В. Никольскаго*, Идеалы Пушкина (Спб. 1882 и 1887 г.) и *архіепископа Никанора*, Бесѣда въ недѣлю блуднаго сына, при поминовеніи раба Божія Александра (поэта Пушкина), по истеченіи пятидесятилѣтія по смерти его (М. 1889. Изд. 2-е). Но первый авторъ, сообразно съ его задачей, могъ посвятить религіознымъ идеаламъ Пушкина только сравнительно небольшой отдѣлъ своего труда (стр. 47—54), а преосвященный Никаноръ занялся сопоставленіемъ Пушкина съ евангельскимъ образомъ блуднаго сына, и потому религіозные взгляды поэта во многихъ мѣстахъ „Бесѣды“ получаютъ не вполнѣ естественное толкованіе.

жены непорочны...); многимъ извѣстны также Пушкинскіе стансы въ отвѣтъ митрополиту Филарету (Въ часы забавъ иль праздной скуки...). Но эти высокіе образцы религіозной поэзіи въ учебныхъ руководствахъ по литературѣ, а отсюда—и въ сознаніи большинства прошедшихъ среднюю школу стоятъ какъ-то совсѣмъ особнякомъ отъ прочихъ произведеній Пушкина. — Съ другой стороны, отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ знакомство съ Пушкинымъ выходитъ за предѣлы школьныхъ программъ, можно услышать и прямо отрицательное сужденіе о религіозномъ элементѣ въ Пушкинской поэзіи. Возможно ли, скажутъ намъ, и поднимать вопросъ о религіозныхъ идеалахъ Пушкина, когда перечисленныя выше стихотворенія у него тонутъ въ массѣ другихъ, очень далекихъ не только отъ христіанской религіи, но и отъ воззрѣній лучшихъ язычниковъ?.. Если къ этимъ недоумѣніямъ присоединить еще историческую справку о томъ, что Пушкинская поэзія въ литературной критикѣ встрѣчала иногда рѣшительное обвиненіе въ безбожіи [1]), то получится результатъ, повидимому, совсѣмъ неблагопріятный для нашей темы: не рискованно ли при такихъ условіяхъ говорить о религіозныхъ идеалахъ Пушкина?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и будетъ служить наша настоящая статья. Но уже одинъ фактъ существованія отрицательныхъ взглядовъ на религіозную сторону Пушкинской поэзіи не позволяетъ намъ прямо приступить къ рѣшенію нашего вопроса. Вводя читателя in medias res, мы рискуемъ встрѣтить упрекъ въ искусственной группировкѣ матеріала въ угоду пред-

---

[1]) Такой взглядъ на поэзію Пушкина проводился въ сороковыхъ годахъ въ журналѣ „Маякъ“ и отчасти въ шестидесятыхъ годахъ — въ извѣстной „Домашней Бесѣдѣ“ (подробнѣе объ этомъ намъ придется говорить впослѣдствіи). Но и теперь, по словамъ Я. К. Грота, есть люди, которые повторяютъ это обвиненіе (Ѳ. Б. Вѣнокъ на памятникъ Пушкина. Спб. 1880. Стр. 233. Ср. *Я. Гротъ*. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники... Спб. 1887. Стр. 146).

взятымъ мыслямъ. Чтобы избѣжать этого нареканія, мы не будемъ подходить къ Пушкинской поэзіи съ какой-нибудь заранѣе установленной мѣркой. Мы возьмемъ ее сперва въ томъ видѣ, какъ она слагалась и росла исторически. Уже послѣ такого безпристрастнаго изученія, когда всѣ отдѣльные моменты творчества Пушкина будутъ установлены на своемъ мѣстѣ, мы перейдемъ къ синтезу и заключительной оцѣнкѣ религіозныхъ идеаловъ поэта.—Но въ этой подготовительной работѣ нельзя отрывать поэзіи отъ личности самого поэта. Никто изъ русскихъ художниковъ слова не достигалъ такой высоты общечеловѣческихъ идеаловъ въ поэтическихъ созданіяхъ, и никто, съ другой стороны, не внесъ въ свои произведенія столько личныхъ мотивовъ, какъ Пушкинъ. Его поэзія „объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія его жизни“ [1]); она есть его жизнь со всѣми порывами „во области заочны“, но и съ „безстыдствомъ бѣшеныхъ желаній“. Поэтому, исторія творчества Пушкина въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ его сторонахъ понятна только въ связи съ обстоятельствами его жизни. Излагая постепенный ходъ поэтическаго развитія Пушкина, насколько это требуется нашей задачей, мы постоянно будемъ имѣть въ виду тѣ жизненныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ создавалась у Пушкина совокупность „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“.

„Жизнь Пушкина,—говоритъ одинъ старый историкъ русской литературы,— можно раздѣлить на три эпохи, отличныя одна отъ другой характеромъ его поэтической дѣятельности и важностію созданій“ [2]). Этотъ взглядъ, высказанный подъ вліяніемъ Бѣлин-

---

[1]) О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ Крылова (1825).—Эти слова Пушкина о поэзіи и поэтахъ вполнѣ приложимы и къ нему самому.

[2]) *А. Милюковъ.* Очерки исторіи русской поэзіи. Изд. 3. Спб. 1864 (1-е изданіе—1847 г.). Стр. 170, 171.

скаго, въ сущности удерживается и бо́льшинствомъ новѣйшихъ изслѣдователей [1]), съ небольшими лишь разногласіями въ характеристикѣ каждой изъ трехъ отдѣльныхъ эпохъ или съ подраздѣленіемъ ихъ на болѣе мелкіе періоды. Мы съ своей стороны также воспользуемся этимъ обычнымъ дѣленіемъ, не приводя для него пока никакихъ подтвержденій. Впослѣдствіи же мы увидимъ, что и съ точки зрѣнія нашего спеціальнаго вопроса вполнѣ можетъ быть оправдано такое раздѣленіе жизни и творчества Пушкина на три періода.

---

[1]) Напр., Незеленовъ, Достоевскій и друг.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Дѣтство (1799—1811) и лицей (1811—1817).

I.

Дѣтство [1]).

А. С. Пушкинъ появился на свѣтъ (26 мая 1799 г.) и провелъ годы дѣтства въ дворянской семьѣ, гдѣ наиболѣе видными представителями были отецъ и дядя поэта—Сергѣй и Василій Львовичи. Братья имѣли между собою много общаго. Они родились около времени первой турецкой войны, по тогдашнему обычаю чуть не съ колыбели были записаны въ гвардію и воспитывались дома подъ руководствомъ французовъ-гувернеровъ. Къ 15—18 годамъ ихъ французское образованіе

[1]) Важнѣйшія свѣдѣнія о дѣтствѣ Пушкина собраны *П. В. Анненковымъ* въ двухъ его книгахъ: 1) А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. Изд. 2. Спб. 1873—и 2) А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху (1799—1826). Спб. 1874. Позднѣйшіе труды (даже воспоминанія О. С. Павлищевой, сестры поэта, вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ въ 1890 г.) прибавляютъ очень мало новаго (ср. статью *А. Кирпичникова:* А. С. Пушкинъ — въ Энциклопедическомъ Словарѣ *Брокгауза*, полут. 50). Другія пособія для этой главы будутъ указаны на мѣстѣ.—Наиболѣе исправный текстъ сочиненій Пушкина содержится въ изданіи Литературнаго фонда, подъ редакціей П. О. Морозова (т. I—VII, Спб., 1887). Но, къ сожалѣнію, это изданіе совсѣмъ не распространено въ читающей публикѣ. Поэтому, при ссылкахъ на различныя произведенія Пушкина, мы будемъ указывать только ихъ заглавія, а въ мелкихъ и малоизвѣстныхъ — и время ихъ написанія. При такомъ обозначеніи наши ссылки могутъ быть провѣрены по каждому полному изданію Пушкина (напр. Ефремова, Павленкова, Суворина, Сытина и проч.).

было закончено. Они выступили въ Московскихъ салонахъ блестящими кавалерами. Съ тѣхъ поръ все ихъ занятіе состояло въ томъ, что они толклись въ гостинныхъ и очаровывали всѣхъ находчивостью, любезностію, французскими остротами и стихами. При Павлѣ I салоннымъ кавалерамъ пришлось отправиться въ полкъ. Но суровая служба была имъ слишкомъ не по душѣ. Они спѣшили выйти въ отставку и возобновить привычный образъ жизни. Вернувшись въ Москву съ женой, Сергѣй Львовичъ радушно открылъ свой домъ для всякихъ русскихъ и заѣзжихъ знаменитостей. Все время, остававшееся отъ увеселеній, онъ посвящалъ французской книжкѣ и страшно раздражался, когда его тревожили какими-нибудь жалобами на дѣтей или хозяйственными дѣлами. Знакомство съ легкой французской литературой и безпечная жизнь сдѣлали Сергѣя Львовича совершенно равнодушнымъ къ серьезнымъ вопросамъ жизни, въ томъ числѣ, разумѣется, и къ вопросамъ религіи. Правда, онъ любилъ повторять слова: que la volonté du ciel soit faite (да будетъ воля Божія). Но эта поговорка, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ авторъ, у отца Пушкина „вовсе не была выраженіемъ искренней вѣры и готовности подчиниться волѣ Провидѣнія, а только фразой, которою онъ прикрывалъ свой эгоистическій индифферентизмъ ко всему на свѣтѣ“ [1]). Онъ не разставался съ остротами даже у постели умирающей жены.—Другой братъ отличался такимъ же или даже бо́льшимъ равнодушіемъ къ религіи. Это особенно видно изъ разсказа о предсмертныхъ минутахъ Василія Львовича. „Разъ утромъ, —говоритъ одинъ изъ близкихъ его знакомыхъ, больной старикъ поднялся съ постели, добрался до шкаповъ огромной своей библіотеки, отыскалъ тамъ Бераже, и съ этой ношей перешелъ на диванъ залы. Тутъ принялся онъ перелистывать любимаго своего

[1]) *Кирпичниковъ*. Пушкинъ, статья Энциклопед. Словаря *Брокгауза*, полут. 50, стр. 827.

поэта, вздохнулъ тяжело и умеръ надъ французскимъ пѣсенникомъ“ [1])...

Любовь къ развлеченіямъ и полное нерасположеніе къ прозаическимъ житейскимъ заботамъ раздѣляла съ Сергѣемъ Львовичемъ и супруга его Надежда Осиповна. Отличаясь вспыльчивостью и капризнымъ властолюбіемъ, она не могла сообщить семейной жизни необходимую ровность и спокойствіе и внести порядокъ въ домашнее хозяйство. Оттого домъ Пушкиныхъ „всегда былъ наизнанку“: роскошь странно уживалась въ немъ съ безпорядкомъ и вѣчнымъ недостаткомъ во всемъ [2]). Та же безпорядочность проявлялась и въ отношеніи матери къ дѣтямъ. Она то была съ ними чрезмѣрно сурова, то совершенно предоставляла ихъ самимъ себѣ. Ея ласки и любовь распредѣлялись между дѣтьми неравномѣрно: старшему сыну Александру она явно предпочитала второго (Льва). хотя первый, по свидѣтельству знавшихъ лицъ, „чрезвычайно былъ привязанъ къ своей матери“. Будущій поэтъ, такимъ образомъ, при равнодушіи отца, „не встрѣчалъ и въ матери той нѣжной привязанности, которая такъ услаждаетъ человѣка и остается для него на всю жизнь самымъ дорогимъ воспоминаніемъ“ [3]). Мы не видимъ со стороны Надежды Осиповны никакихъ заботъ о развитіи въ дѣтяхъ такихъ навыковъ, которые шли бы далѣе обыкновенныхъ свѣтскихъ привычекъ, — о пробужденіи въ нихъ сознанія долга, обязанности и чувства религіознаго.

По обычаю всѣхъ барскихъ семействъ, дѣти Пушкиныхъ сданы были на руки гувернантокъ и гувернe-

---

[1]) *Анненковъ.* Пушкинъ..., стр. 18—19.—Любопытный портретъ Василія Львовича нарисованъ Вигелемъ, въ его Воспоминаніяхъ (Русскій Вѣстн., 1864 г., кн. III, стр. 170—172).

[2]) *Анненковъ.* Пушкинъ..., стр. 20; *Я. Гротъ.* Пушкинъ..., стр. 277—278.

[3]) *М. Семевскій.* Къ біографіи Пушкина. Выдержки изъ записной книжки.—Русскій Вѣстникъ 1869 г., кн. XI, стр. 89.

ровъ. Какъ хороши были эти наемные воспитательницы и насколько умѣло онѣ брались за свой трудъ,—можно судить по отзыву самого ихъ питомца. „Первыя непріятности—гувернантки“, — читаемъ въ лицейскихъ запискахъ Пушкина. Что же касается воспитателей, то ироническіе отзывы въ его произведеніяхъ о гувернерахъ—французахъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени внушены личными впечатлѣніями дѣтства. Всѣ эти „убогіе французы“ мосье L'Abbé (Евгеній Онѣгинъ), Бопре (Капит. Дочка) и друг., которые на родинѣ готовились въ кондитеры (Дубровскій) или парикмахеры, а въ Россіи попали въ учителя, очевидно, были сродни Шеделю, одному изъ Пушкинскихъ гувернеровъ, для котораго игра въ карты съ прислугой была любимымъ занятіемъ. Помимо значительнаго умственнаго невѣжества, эти невольные педагоги часто „не были врагами бутылки“ и отличались иногда крайнимъ безпутствомъ. Болѣе же образованные изъ нихъ, какими были, напр., у Пушкиныхъ Монфоръ и Русло, привозили изъ Франціи, вмѣстѣ съ почитаніемъ Вольтера, богатый запасъ насмѣшекъ надъ всѣмъ святымъ, и это было верхомъ ихъ скромности, когда они, „при словѣ религія, только съ улыбкой потупляли глаза, не позволяя себѣ ничего противъ нея говорить“ [1])...

Таковы были ближайшія къ ребенку-Пушкину лица, которыя добровольно или вынужденно являлись его воспитателями. Легко понять, что такіе руководители не вносили въ дѣло воспитанія не только никакого „опредѣленнаго правила или обдуманной системы, но и простого здраваго смысла“ [2]). Полное непониманіе ими своей задачи и негодность ихъ воспитательныхъ средствъ особенно ясно обнаружились при встрѣчѣ съ такою необыкновенно флегматическою и въ тоже время

---

[1]) Отзывъ Вигеля объ одномъ изъ гувернеровъ его времени. Воспоминанія, часть первая, гл. XIV. — Русск. Вѣстн., 1864, кн. II, стр. 608.

[2]) *Анненковъ*. Пушкинъ..., стр. 22.

очень тонкою и сложною натурой, какъ маленькій Александръ Пушкинъ. Мы, конечно, не ошибемся, если признаемъ автобіографическій характеръ за слѣдующими словами одного изъ Пушкинскихъ отрывковъ: „Я былъ... лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою отъ меня можно было добиться всего. Къ несчастію, всякій вмѣшивался въ мое воспитаніе и никто не умѣлъ за меня взяться“ [1]). Результатомъ этой нецѣлесообразной работы воспитателей, въ связи со всею обстановкой жизни Пушкиныхъ, было для Александра то „нестерпимое состояніе“. которое имъ отмѣчено въ лицейскихъ запискахъ. Въ его воспоминаніяхъ о дѣтствѣ звучитъ печаль:

„Двѣ-три весны младенцемъ, можетъ быть,
„Я счастливъ былъ, не понимая счастья“ [2])...

Конечно, недостатки собственнаго „проклятаго воспитанія“ [3]) внушили Пушкину слѣдующія строки: „въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ“ [4])...

То отрицательное вліяніе, которое въ области религіозной оказывали воспитатели своимъ личнымъ примѣромъ, скоро получило очень сильную поддержку. Маленькій Александръ, давно уже бывшій слушателемъ

---

[1]) Русскій Пеламъ. Начало романа (1835).

[2]) Къ князю А. М. Горчакову (1816).

[3]) Письмо къ брату Л. С. Пушкину, въ октябрѣ 1824.

[4]) Записка о народномъ воспитаніи, представленная Императору Николаю въ 1826 г.

всѣхъ разговоровъ въ кабинетѣ отца, на 9 году обнаружилъ необыкновенную страсть къ чтенію. Не довольствуясь Плутархомъ и Гомеромъ (во французскихъ переводахъ), онъ тайкомъ принялся за отцовскую библіотеку и просиживалъ надъ книжками цѣлыя ночи. Всякій, кому приходилось знакомиться съ старинными барскими библіотеками, могъ замѣтить ихъ довольно однообразный составъ. За классиками XVII в. (Буало, Расинъ, Мольеръ и др.) и неизбѣжными томами Вольтера и Руссо, въ нихъ тянулся, говоря словами Пушкина, „энциклопеціи скептическій причетъ„ (Дидро, Даламберъ, Гольбахъ и пр.) [1]), а за нимъ шелъ цѣлый рядъ эротическихъ писателей XVIII в. (Парни, Грекуръ, Шолье и друг.). Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ во многихъ библіотекахъ были произведенія черезчуръ грязнаго характера [2]). Такова же была, безъ сомнѣнія, по своему содержанію и библіотека Сергѣя Львовича. Благодаря выдающейся памяти, къ 11 годамъ Александръ, по отзыву брата, зналъ французскую литературу чуть не наизусть. Эта преждевременная и острая умственная пища не замедлила отозваться въ мальчикѣ сильнымъ возбужденіемъ ума и чувствъ, но при этомъ она оставила въ его душѣ очень много мутныхъ осадковъ. Книги досказали то, что скрывалось въ иныхъ

---

[1]) Къ вельможѣ (1830). Ср. слѣдующіе отрывки: „Полина чрезвычайно много читала и безъ всякаго разбора. Ключъ отъ библіотеки отца ея былъ у нея. Библіотека большею частью состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность отъ Монтескье до романовъ Кребильона была ей знакома. Руссо знала она наизусть...“ (Рославлевъ. Отрывокъ, 1831 г.). „Огромная библіотека, составленная большею частью изъ сочиненій французскихъ писателей XVIII в., была отдана въ ея распоряженіе... (Дубровскій).

[2]) Вродѣ тѣхъ „соблазнительныхъ книгъ, украшенныхъ эстампами“, о которыхъ упоминаетъ Фонвизинъ (Чистосердечное признаніе, книга 2-я). Въ одномъ изъ писемъ Пушкинъ предостерегаетъ жену: „въ деревнѣ не читай скверныхъ книгъ пѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія“ (1834 г., апрѣль).

намекахъ и недомолвкахъ кабинетныхъ бесѣдъ и сообщили уму Пушкина ту (по преимуществу французскую) склонность не стѣсняться въ выборѣ предметовъ для остраго „слова“ (mot), которая имѣла столь важное значеніе во всей послѣдующей судьбѣ поэта.

Но мы были бы несправедливы, если бы не отмѣтили въ воспитаніи Пушкина и нѣкоторой доли положительнаго воздѣйствія въ религіозномъ отношеніи. Такъ, вмѣстѣ съ другими учителями, у Пушкиныхъ былъ приглашенъ въ качествѣ законоучителя священникъ Маріинскаго института Александръ Ивановичъ Бѣликовъ. Судя по тому, что о. Бѣликовъ былъ не чуждъ духовной литературѣ [1]), онъ былъ, вѣроятно, не зауряднымъ преподавателемъ, и уроки Закона Божія не проходили совсѣмъ безслѣдно для сердца воспитанника. Но, разумѣется, законоучителю, даже при очень равностномъ отношеніи къ своему дѣлу, невозможно было бороться съ тѣмъ отрицательнымъ вліяніемъ устнаго и печатнаго слова, какому такъ рано подвергся мальчикъ [2]).

Другимъ источникомъ если не религіозныхъ понятій, то по крайней мѣрѣ смутныхъ религіозныхъ чувствъ была для Пушкина столь извѣстная няня его, Арина Родіоновна. Она принадлежала въ числу тѣхъ старыхъ крѣпостныхъ слугъ, которые воспитывались

---

[1]) Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) Духъ Массильона, или избранныя мысли изъ его твореній о различныхъ предметахъ нравственности и благочестія. Съ франц. М. 1808 и 1822 — и 2) Катихизисъ, или краткое изложеніе православнаго христіанскаго закона. М. 1818 (*Геннади*. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ. Томъ I. Берлинъ. 1876. Стр. 124).

[2]) О. Бѣликовъ не успѣлъ даже побѣдить въ своемъ ученикѣ то нерасположеніе, съ какимъ многіе изъ высшаго круга, безъ всякаго особеннаго повода, а по одному лишь предразсудку, относятся къ духовенству. Въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Пушкинъ кается въ томъ, что онъ вовсе не любитъ „городскихъ и сельскихъ іереевъ“ — и, повидимому, безъ всякой причины (Городокъ. 1814).

въ сознаніи, что на свѣтѣ только и есть барская да Божья воля, причемъ границы этихъ понятій часто у нихъ смѣшивались: утрачивая свою личную жизнь за исполненіемъ „слова барской воли“, эти люди искренно проникались мыслію, что

„Такъ, видно, Богъ велѣлъ“ [1])...

Эту-же безграничную преданность, доходившую до готовности жертвовать своею жизнью, слуги переносили и на „барское дите“, когда послѣднее довѣрялось ихъ попеченію. Въ такихъ любящихъ рукахъ пробылъ Пушкинъ самые первые годы жизни. Вмѣстѣ съ начальными словами роднаго языка, ребенокъ услышалъ отъ няни и первыя молитвы. Она

„Помилуй мя“ читать учила...

Стоило ребенку немного прихворнуть, — няня съ безпокойствомъ говорила:

„Господь помилуй и спаси!..
Дай окроплю святой водою...
И... съ мольбой
Крестила дряхлою рукой“ [2])...

Впослѣдствіи, когда ея питомца принялись учить „своенравныя мамзели“ и „проклятые мусье“ [3]), няня вела по ночамъ свои уроки. Трогательную картину этихъ ночей даетъ намъ поэтъ въ одномъ изъ лицейскихъ стихотвореній:

„Ахъ, умолчу-ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молитвой уклоня,

---

[1]) Слова Филипьевны, няни Лариныхъ (Евгеній Онѣгинъ, гл. III, строфа 18). — Напомнимъ еще Савельича въ „Капит. дочкѣ“.

[2]) Евгеній Онѣгинъ, дополн. къ 21-й строфѣ II-й главы.

[3]) Первое выраженіе взято изъ той же дополнительной строфы Онѣгина, а второе—изъ Капитанской дочки.

Съ усердіемъ перекреститъ меня
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины.
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало—
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало“ [1])...

Такимъ образомъ, бесѣды няни вращались въ области народной миѳологіи; предметомъ ихъ служили тѣ „небылицы, былины православной старины“, которыя въ младенческомъ сознаніи простого народа такъ тѣсно срастаются съ религіей. И этотъ трепетъ, наполнявшій сердце ребенка, былъ не чуждъ характера „священнаго ужаса“. Онъ вызывалъ тѣ „видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней“, которыя въ самыя тяжелыя минуты послѣдующей жизни „возрождали“ измученную душу поэта. Такъ сильно было вліяніе простой крестьянки, не смотря на всѣ „безсмысленныя черты“, наложенныя варварами-воспитателями и строемъ домашней жизни на душу Пушкина, которая была предназначена для высокихъ „созданій генія“...

Однако, въ этомъ раннемъ соприкосновеніи Пушкина съ народными вѣрованіями была и одна темная сторона. Безъ сомнѣнія, въ этихъ же ночныхъ бесѣдахъ няни должно искать и начало у Пушкина тѣхъ суевѣрій, слѣды которыхъ намъ придется отмѣчать въ дальнѣйшихъ главахъ.

Таковы были „дѣтства раннія слѣды“ [2]), которыми во многихъ отношеніяхъ опредѣлилась послѣдующая судьба поэта.

---

[1]) Сонъ (1816). [2]) Къ Ю. (1815).

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

II.

Лицей [1]).

Энергичное сопротивленіе, которое оказывалъ маленькій Пушкинъ своимъ неумѣлымъ воспитателямъ, заставило его родителей подумать о замѣнѣ домашняго обученія школьнымъ. Первоначально они предполагали сдать сына въ руки іезуитовъ, которые въ то время имѣли въ Петербургѣ коллегію и пансіонъ для аристократическихъ дѣтей [2]). Но едва Пушкины начали хлопоты по этому вопросу, — было объявлено открытіе царскосельскаго лицея, и будущій поэтъ оказался въ числѣ тридцати первыхъ воспитанниковъ этого привиллегированнаго заведенія. Онъ покидалъ отцовскій домъ безъ сожалѣнія [3]), да и родители, повидимому,

---

[1]) О лицейскихъ годахъ Пушкина, кромѣ соотвѣтствующихъ отдѣловъ въ книгахъ г. Анненкова (Матеріалы..., стр. 14—38; Пушкинъ въ Александровскую эпоху..., стр. 29—56), см. статьи *В. Гаевскаго*: Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія (Современникъ, 1863 г., кн. VII и VIII) и книгу *Я. К. Грота:* Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1887.

[2]) Трудно сказать, надо ли жалѣть или, напротивъ, радоваться, что Пушкинъ не попалъ къ іезуитамъ. Съ одной стороны мы знаемъ, что воспитаніе въ іезуитскихъ заведеніяхъ велось въ строго-религіозномъ духѣ, и благодаря тому Пушкинъ, можетъ быть, избѣжалъ бы тѣхъ увлеченій, какія начались у него въ лицеѣ. Но съ другой стороны, такъ какъ натура Пушкина была далека отъ всякаго лицемѣрія, лжи и неискренности,—этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ іезуитовъ,— то возможно и другое предположеніе: іезуитское віліяніе могло вызвать и совсѣмъ отрицательные результаты въ религіозномъ развитіи Пушкина. Здѣсь невольно вспоминается питомецъ іезуитовъ—Вольтеръ.

[3]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ люди, близкіе къ семьѣ Пушкиныхъ и другъ поэта И. И. Пущинъ (Анненковъ. Пушкинъ.., стр. 27). Съ грустью разставался Пушкинъ только съ няней и отчасти съ сестрой. По отношенію же къ родителямъ слѣдующія строки Пушкина имѣютъ, очевидно, автобіографическій характеръ:... „пребываніе мое подъ отеческою кровлею

только радовались разлукѣ съ сыномъ, предполагая, что воспитаніе въ закрытомъ заведеніи, въ новой обстановкѣ, смиритъ непокорную натуру мальчика. „Однако, этимъ ожиданіямъ не суждено было исполниться: обстоятельства сложились такъ, что лицейская жизнь во многихъ сторонахъ была для Пушкина прямымъ продолженіемъ домашней жизни.

Для лицея была составлена (Сперанскимъ) необыкновенно разносторонняя учебная программа, въ которую, кромѣ правовѣдѣнія и наукъ политическихъ, вошли не только высшая математика съ астрономіей, но и церковная исторія, даже „высшее богословіе“, нравственная философія, философская грамматика и проч. Но къ этому широкому курсу воспитанники приступили съ очень плохой подготовкой, а изъ наставниковъ одни отличались неспособностью, а другіе, при несомнѣнной даровитости, относились къ дѣлу съ крайнимъ равнодушіемъ. Поэтому изъ класснаго преподаванія ученики выносили очень мало,—и „кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ предаваться самой изысканной лѣни“ [1]). Такъ какъ, однако, лицей былъ заведеніемъ закрытымъ, то воспитанники по необходимости искали развлеченія въ богатой лицейской библіотекѣ, которая безпрепятственно открыта была для всѣхъ. Чтеніе восполняло пробѣлы класснаго преподаванія, вело за собой оживленныя бесѣды и вызывало попытки собственнаго авторства. — Эти порядки какъ нельзя болѣе пришлись по душѣ Пушкину. Онъ охотно лѣнился и въ то же время съ такимъ усердіемъ отдавался чтенію, что „въ забвеньи передъ классомъ порой терялъ и взоръ и слухъ“ (Евгеній Онѣгинъ). И въ лицейской библіотекѣ онъ встрѣтилъ тѣ же самыя книги, какія были въ библіотекѣ отца, т. е. французскихъ писателей XVII и

не оставило ничего пріятнаго въ моемъ воображеніи“ (Русскій Пеламъ. 1835).

[1]) Слова графа М. А. Корфа, лицейскаго товарища Пушкина (Гротъ, стр. 258).

XVIII вв., изъ которыхъ, по собственному признанію, имъ „всѣхъ больше перечитанъ“ Вольтеръ (Городокъ).

Общее руководство въ дѣлѣ воспитанія лицеистовъ принадлежало директору, а ближайшій надзоръ за ними былъ возложенъ на гувернеровъ. Но первый директоръ лицея (Малиновскій) былъ человѣкъ черезчуръ слабый, а послѣ его смерти (1814 г.) наступило, какъ выражается Пушкинъ въ запискахъ, „безначаліе“ до самаго 1816 г. Все это, конечно, очень дурно отразилось на нравственной жизни лицея. Гувернеры не умѣли сдерживать своевольство воспитанниковъ, которые отъ невинныхъ дѣтскихъ проказъ послѣдовательно переходили къ кутежамъ и волокитству. Высшія задачи воспитанія были совсѣмъ забыты. Религіозная жизнь учениковъ, сверхъ уроковъ по закону Божію, ограничивалась одною формальною стороною (посѣщеніемъ церкви въ праздники, ежегоднымъ говѣніемъ) [1]), а во всемъ прочемъ оставалась безъ всякаго руководства. А между тѣмъ эта область духовной жизни лицеистовъ требовала особенно серьезнаго вниманія. Вступая въ юношескій возрастъ, они невольно задавались вопросами жизни. Обильное, хотя и безпорядочное, чтеніе и товарищескія бесѣды будили въ нихъ важные религіозные и философскіе вопросы, и особенно рано долженъ былъ встрѣтиться съ ними Пушкинъ, такъ какъ онъ по своему общему развитію шелъ впереди большинства товарищей [2]). Въ этой непосильной работѣ лицеисты и были

---

[1]) Ср., наприм., письмо Пушкина къ князю Вяземскому, отъ 27 марта 1816 г.

[2]) Въ лицейскихъ запискахъ Пушкина остались неясные намеки на эту раннюю работу его мысли въ области религіозно-философскихъ вопросовъ: „1811. Философскія мысли. Мартинизмъ“. Первая замѣтка стоитъ, вѣроятно, въ связи съ начатой Пушкинымъ философской повѣстью: „Фатама или разумъ человѣческій“,—въ которой онъ, подражая восточнымъ сказкамъ Вольтера, хотѣлъ провести ту мысль, что естественный строй природы вещей не можетъ быть измѣненъ къ лучшему (Анненковъ. Матеріалы..., стр. 22). По словамъ одного

предоставлены самимъ себѣ. Правда, со стороны одного изъ инспекторовъ лицея, М. С. Пилецкаго, была сдѣлана попытка поднять религіозную жизнь учениковъ. Но это стремленіе, быть можетъ и вполнѣ искреннее, выразилось въ очень неудачной формѣ и было встрѣчено лицеистами до того враждебно, что по ихъ настоянію инспекторъ долженъ былъ совсѣмъ покинуть лицей [1]). Замѣтно, что Пушкинъ принималъ во всей этой исторіи дѣятельное участіе: онъ отмѣчаетъ въ запискахъ: *Мы* прогоняемъ Пилецкаго.

Такимъ образомъ, и въ учебномъ и въ воспитательномъ отношеніи лицейскіе годы для Пушкина являлись лишь продолженіемъ домашнихъ порядковъ. Но если мы сравнимъ описанное выше впечатлѣніе Пушкина отъ жизни въ родительскомъ домѣ съ его воспоминаніями о лицеѣ, разсѣянными въ разныхъ произведеніяхъ, то увидимъ громадную разницу: о лицейскихъ

изъ товарищей, Пушкинъ писалъ еще въ 1815—1816 г. комедію: Философъ (Гротъ стр. 89). — Смыслъ второй замѣтки не ясенъ. Возможно, что она указываетъ на знакомство Пушкина и другихъ лицеистовъ съ масонами или ихъ сочиненіями, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ Пушкинъ говоритъ: „Мы еще *застали* (разумѣется, въ ранніе годы жизни) нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ къ этому полуполитическому, полурелигіозному обществу“ (т. е. мартинистовъ. — Алекс. Радищевъ).

[1]) „Пилецкій, — говоритъ М. А. Корфъ, — человѣкъ съ достаточнымъ образованіемъ, съ большимъ даромъ слова и убѣжденія, былъ святошею, мистикомъ и иллюминатомъ, который отъ всѣхъ чувствъ обыкновенной человѣческой природы, даже отъ врожденной любви къ родителямъ, старался обратить насъ исключительно къ Богу, и если бы мы далѣе остались въ его рукахъ, непремѣнно сдѣлалъ бы изъ насъ іезуитовъ, или то, что нѣмцы называютъ Kopfhänger (ханжа)... Любопытно, что (Пилецкій)... въ 1837 г., за участіе въ мистическихъ изувѣрствахъ извѣстной Татариновой, былъ высланъ изъ столицы и заключенъ въ монастырь“ (Гротъ, стр. 271—272). Въ сатирическомъ стихотвореніи, составленномъ лицеистами, упоминается и „Пилецкій, пастырь душъ съ крестомъ“... (Тоже, стр. 261).

годахъ Пушкинъ говоритъ всегда въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Это различіе объясняется тѣмъ, что лицей внесъ въ духовную жизнь поэта одно новое и очень сильное начало. Мы разумѣемъ—*товарищество.* Неизбалованной нѣжностію со стороны родителей, Пушкинъ на первыхъ порахъ и въ лицеѣ не встрѣтилъ расположенія, такъ какъ давалъ полную волю своему вспыльчивому нраву и злому языку. Только немногіе изъ товарищей могли разглядѣть, за этими отталкивающими свойствами, его нѣжное, любящее сердце. Зато на этихъ немногихъ Пушкинъ перенесъ всю силу своей привязанности, которую онъ умѣлъ сохранять до конца жизни. Впослѣдствіи мы увидимъ, какое важное значеніе имѣла дружба въ жизни Пушкина: она не разъ спасала его среди житейскихъ бурь и сохраняла въ его душѣ тѣ лучшія чувства, которыя роднили Пушкина съ друзьями [1]). При всѣхъ недостаткахъ лицейской жизни, Пушкинъ, всетаки, съ полнымъ основаніемъ могъ считать Царское Село „отечествомъ", потому что тамъ въ его душѣ впервые зародилось чувство „святого братства".—Съ другой стороны, это рѣзкое раздѣленіе между товарищами не обошлось и безъ худыхъ послѣдствій для Пушкина. Оно пріучило его вести двойную жизнь и какъ можно дальше прятать отъ посторонняго недружескаго взгляда все то, что могло

---

[1]) Люди, отзывающіеся очень строго о лицейскихъ увлеченіяхъ Пушкина, забываютъ, что самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ въ лицеѣ былъ Ив. Ив. Пущинъ, въ которомъ гр. Корфъ (нерасположенный къ поэту) признаетъ свѣтлый умъ, чистую душу и самыя благородныя намѣренія (Гротъ, стр. 280). И за стѣнами лицея, гдѣ Пушкинъ, по словамъ тогоже гр. Корфа, „пировалъ на распашку" въ кружкѣ офицеровъ гусарскаго полка, друзьями поэта были П. Я. Чаадаевъ и П. П. Каверинъ, люди очень образованные; первый изъ нихъ, притомъ, былъ убѣжденнымъ противникомъ всякихъ излишествъ, а второй—не смотря на свои проказы, по словамъ Пушкина, былъ живымъ доказательствомъ того, „что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ и умъ возвышенный и сердце можно скрыть" (Къ П. П. Каверину. 1817).

обнаружить его задушевный внутренній міръ. Съ этою цѣлью Пушкинъ умышленно выставлялъ на показъ несимпатичныя стороны своего характера, привитыя домашнимъ воспитаніемъ, такъ сказать, рисовался ими.— Понятно, что благодаря этому и отзывы товарищей о Пушкинѣ отличаются двойственностію, такъ что для правильной ихъ оцѣнки необходимо имѣть въ виду степень близости къ поэту того лица, которому принадлежитъ извѣстное сужденіе о немъ. Понятно также, почему люди, знавшіе Пушкина въ лицеѣ только издали, отзываются отрицательно о его религіозныхъ воззрѣніяхъ и чувствахъ [1]).

[1]) Графъ М. А. Корфъ, у котораго, по его собственнымъ словамъ, связь съ Пушкинымъ „никогда не переходила за обыкновенную пріятельскую“ (Гротъ, 227), даетъ слѣдующій отзывъ: „Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго..., не былъ созданъ ни для общественныхъ обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. Въ немъ не было ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ, и онъ полагалъ даже какое-то хвастовство въ отъявленномъ цинизмѣ по этой части: злыя насмѣшки —часто въ самыхъ отвратительныхъ картинахъ—надъ всѣми религіозными вѣрованіями и обрядами, надъ уваженіемъ къ родителямъ, надъ родственными привязанностями, надъ всѣми отношеніями—общественными и семейными—это было ему ни почемъ, *и я не сомнѣваюсь, что для ѣдкаго слова онъ иногда говорилъ даже болѣе и хуже, нежели въ самомъ дѣлѣ думалъ и чувствовалъ*“ (Гротъ, 278—279). Мы нарочно привели въ подробности этотъ рѣзкій отзывъ, чтобы читатель самъ могъ видѣть въ немъ тотъ недостатокъ безпристрастія, который уже отмѣченъ многими біографами и друзьями Пушкина (Аненковымъ, Гротомъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и друг.). Къ тому же послѣднія строки отзыва ослабляютъ рѣшительное заявленіе, что въ Пушкинѣ „не было ни внѣшней, ни *внутренней* религіи“. — Подобнымъ же образомъ, только менѣе рѣзко, отзывается о Пушкинѣ Е. А. Энгельгардтъ, бывшій директоромъ лицея съ 1816 г. и тоже знавшій лишь внѣшнюю жизнь Пушкина. „Его сердце,—говоритъ Энгельгардтъ,— холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви ни религіи... Нѣжныя и юношескія чувства унижены въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской

Всѣ эти внѣшнія и внутреннія условія духовнаго развитія Пушкина въ лицейскіе годы отразились и на его лицейскихъ произведеніяхъ. — Подражая французскимъ образцамъ, юный Пушкинъ воспѣвалъ въ своихъ стихотвореніяхъ веселье, не знающее тревожныхъ заботъ и имѣющее своимъ источникомъ молодость, любовь и вино. Матеріалъ для этихъ эпикурейскихъ мотивовъ, какъ мы видѣли выше, давался отчасти лицейскою жизнью и подсказывался самымъ возрастомъ поэта. Но въ большинствѣ случаевъ это были, всетаки, „пѣсни на чужой голосъ“: „пѣвецъ радости“ часто не можетъ выдержать до конца свое настроеніе. По своему пылкому характеру Пушкинъ способенъ былъ въ увлеченіяхъ заходить далѣе другихъ товарищей. Но это излишество очень быстро давало ему почувствовать всю горечь, таящуюся на днѣ чаши наслажденій, и его душа наполнялась жгучимъ чувствомъ унынія. Даже въ эту юношескую пору Пушкинъ отличался способностью скоро отрезвляться отъ чада наслажденій и признавалъ, что „нельзя вѣчнымъ жить обманомъ и счастья тѣнь забывшись обнимать“. Поражаясь несо-

---

литературы, которыя онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусъ, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія“ (Современникъ, 1863 г., № VIII, стр. 376). По вѣрному замѣчанію г. Анненкова, этотъ приговоръ, при всей справедливости второй части замѣтки, „принадлежитъ къ числу тѣхъ странныхъ рѣшеній, которыя во всѣ времена слышались отъ оффиціальныхъ педагоговъ относительно замѣчательныхъ дѣтей и которыя потомъ удивляли потомство своею неосновательностію“ (Пушкинъ въ Александр. эпоху, стр. 41).— Совсѣмъ не такимъ представлялся Пушкинъ близкому его другу, Ив. Ив. Пущину. Послѣдній призналъ въ Пушкинѣ доброе, нѣжное сердце, которое, по странному капризу природы, было заслонено отталкивающей оболочкой и могло быть разсмотрѣно только при особой близости къ поэту. Эта двойная жизнь причиняла Пушкину много страданій; онъ по цѣлымъ ночамъ въ слезахъ задумывался надъ вопросомъ о томъ, какъ измѣнить свое отношеніе къ товарищамъ (О дружескихъ связяхъ съ Пушкинымъ. Записки *И. И. Пущина*. Атеней. 1859 г., № 8, стр. 500 и сл.).

отвѣтствіемъ между врожденнымъ человѣку стремленіемъ къ наслажденіямъ и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ счастія между людьми, вмѣстѣ съ его крайнею непрочностью, Пушкинъ и тогда уже задавался вопросамъ:

„Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?“

Этотъ тревожный возгласъ сейчасъ же смѣняется трезвымъ и спокойнымъ сознаніемъ:

„Нѣтъ, ропотъ—униженье!
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье...
И въ слезахъ сокрыто наслажденье,
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастіе друзей!“
(Къ князю А. М. Горчакову, 1816).

Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодный мракъ освѣтитъ
(Разлука, 1816).

Французскіе учители въ поэзіи, среди которыхъ особенно выдавался „Фернейскій злой крикунъ“ (Вольтеръ), по тогдашнему взгляду Пушкина, „поэтъ въ поэтахъ первый“, конечно, вели своего ученика очень далеко отъ религіи. Они не только заслонили для Пушкина красоту религіозныхъ созданій Мильтона и Клопштока, съ которыми онъ знакомился въ лицеѣ, но и увлекли его юное перо въ сторону насмѣшекъ надъ предметами религіи [1]). Однако, этотъ ядъ вольныхъ

[1]) Въ отрывкѣ изъ сказки „Бова“, написанномъ въ 1815 г. въ подраженіе Вольтеру (Орлеанская дѣвственница), Пушкинъ говоритъ, что онъ „разбиралъ нѣмца Клопштока и не могъ понять премудраго“. Мильтона онъ упрекаетъ въ смѣшеніи языческихъ религіозныхъ образовъ съ христіанскими и опасается за нимъ „безъ крилъ парить“. Въ общемъ—къ обоимъ этимъ религіознымъ поэтамъ Пушкинъ относился нѣсколько иронически. Впослѣдствіи совершенно измѣнилось его отношеніе къ Мильтону. — Подъ вліяніемъ Вольтера и русскаго циника Баркова, Пушкинъ написалъ въ лицеѣ вольную поэму „Монахъ“, которую уничтожилъ по совѣту одного товарища.

рѣчей не проникалъ въ самую глубину души поэта, заражая только ея наружную оболочку. Мы видѣли, что даже лице, не расположенное къ поэту, признаетъ несоотвѣтствіе между его словомъ и мыслью въ религіозной области. И у самого поэта есть косвенное указаніе на такую особенность его внутренней жизни въ одномъ изъ лицейскихъ стихотвореній, именно въ одѣ „Безвѣріе“. Это произведеніе очень важно для характеристики религіознаго элемента въ жизни и творчествѣ Пушкина за лицейскіе годы.—Ода, правда, была написана по назначенію (для выпускного экзамена). Но Пушкинъ никогда не могъ творить по заказу такъ, чтобы написанное имъ было совершенно чуждо его мысли и чувству. Поэтому и „Безвѣріе“, несомнѣнно служитъ отраженіемъ того интереса къ вопросамъ религіи, который скрывался въ душѣ молодого лицеиста за внѣшнею безрелигіозностью. Любопытенъ при этомъ высказанный въ одѣ взглядъ на основы вѣры и невѣрія. „Отпадшій вѣры сынъ“ нигдѣ не зритъ Бога тайнаго: ни въ пышныхъ красотахъ природы, ни тамъ, гдѣ „завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ“, ни при посѣщеніи храма Всевышняго. Такая духовная слѣпота въ немъ объясняется тѣмъ, что

„Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ“.

Это противоположеніе даетъ чувствовать всю неопытность поэта въ анализѣ сокровенной жизни души. Мы увидимъ впослѣдствіи, что путемъ тяжелыхъ испытаній Пушкинъ придетъ къ совершенно иному и болѣе глубокому рѣшенію вопроса о вѣрѣ. Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія одинъ намекъ на внутреннюю жизнь самого поэта, сдѣланный въ начальныхъ строкахъ оды. Приглашая читателей отнестись къ невѣрующему съ сожалѣніемъ, Пушкинъ предлагаетъ взглянуть на него „не тамъ, гдѣ каждый день тщеславіе на

Другое подобное же произведеніе, приписываемое Пушкину Гаевскимъ (Тѣнь Баркова), на самомъ дѣлѣ ему не принадлежитъ.

всѣхъ наводитъ ложну тѣнь, но въ тишинѣ семьи, въ бесѣдѣ съ дружествомъ“ и т. п. Въ этомъ разграниченіи внѣшней показной жизни отъ искреннихъ обнаруженій души въ присутствіи немногихъ близкихъ лицъ или наединѣ съ самимъ собою, по нашему мнѣнію, Пушкинъ даетъ ключъ къ пониманію его собственной души. Очевидно, что онъ самъ признавалъ свое религіозное вольнодумство только дѣломъ „тщеславія“, рано развившагося благодаря дурному воспитанію. Но въ этомъ признаніи у Пушкина, разумѣется, заключалось и то самоосужденіе, которое должно въ значительной степени примирить насъ съ его грѣхами юности.

Въ общемъ религіозное развитіе Пушкина въ годы дѣтства и лицейскаго воспитанія характеризуется слѣдующими чертами. Дома Пушкинъ испытывалъ въ религіозномъ отношеніи болѣе отрицательное, чѣмъ положительное воздѣйствіе. Въ лицеѣ доля положительнаго вліянія почти прекратилась, а отрицательныя наслоенія еще болѣе усилились. Пушкинъ былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ въ ту пору, когда въ его душѣ зарождались первыя движенія религіозной мысли. По странной особенности своей духовнаго существа Пушкинъ глубоко таилъ отъ посторонняго взгляда свои лучшія чувства и открывалъ душу только предъ особенно близкими людьми; ко всѣмъ же остальнымъ были обращены тѣ несимпатичныя стороны его души, которыя испорчены были воспитаніемъ и вызывали очень рѣзкіе отзывы о немъ. Но даже по этимъ отзывамъ, равно какъ и по сознанію самого поэта, эти внѣшнія черты являлись только наносными образованіями; за ними скрывались лучшія мысли и чувства и, въ частности, то „божественное чувство“, которое самъ поэтъ назвалъ впослѣдствіи „вѣрой душевной“. Не смотря на раннія увлеченія, эта вѣра жила въ его сердцѣ, хотя въ формѣ смутной, какъ „души неясный идеалъ“.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Жизнь въ Петербургѣ (1817—1820) и годы изгнанія (1820—1826) [1].

III.

Шестилѣтняя жизнь въ стѣнахъ закрытаго заведенія сдѣлала для Пушкина необходимою потребностью товарищеское общество, „лицейскій шумъ, лицейскія забавы“. Поэтому, когда онъ отправился, по выходѣ изъ лицея, въ с. Михайловское, то недолго могъ наслаждаться прелестями деревенской жизни. „Я любилъ и донынѣ люблю,—говоритъ Пушкинъ въ запискахъ 1824 года,—шумъ и толпу“. Съ этою любовью къ шумной жизни Пушкинъ бросился въ Петербургскій свѣтъ и тотчасъ же примкнулъ къ кружку „молодыхъ повѣсъ“ высшаго общества, гдѣ его встрѣтили

---

[1]) Объ этомъ періодѣ жизни Пушкина см. Анненкова, Матеріалы..., стр. 39—163; Пушкинъ въ Александровскую эпоху..., стр. 57 и до конца книги; *Бартеневъ*, Пушкинъ въ южной Россіи М. 1862. *Л. Мацѣевичъ*, Кишиневскія преданія о Пушкинѣ (Истор. Вѣстникъ 1883 г., № 5). *Ф. Вигель*. Воспоминанія, часть VI.—Характеристика общественныхъ и литературныхъ направленій въ эту эпоху дана въ книгахъ *А. Н. Пыпина*: Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 2. Спб. 1885; Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Изд. 2. Спб. 1890.

восторгами, какъ извѣстнаго поэта. Изъ студенческой кельи его муза пришла теперь „на шумъ пировъ и буйныхъ споровъ“. Объ образѣ жизни этого кружка можно судить по тому, что до 1820 года Пушкинъ дважды перенесъ горячку. По собственному признанію, онъ въ то время вмѣнялъ себѣ въ законъ „страстей единый произволъ“ (Евгеній Онѣгинъ). Нельзя сказать, чтобы новые товарищи Пушкина отличались только „скиѳскою жаждою“ наслажденій: большинство изъ нихъ были люди очень образованные, интересовавшіеся вопросами науки, литературы и общественной жизни. Благодаря этому, и среди самыхъ отчаянныхъ излишествъ Пушкинъ находилъ пищу для серьезныхъ умственныхъ интересовъ. Онъ попрежнему много читалъ и работалъ (надъ поэмою: Русланъ и Людмила). Но эта двойная трата силъ гибельно отражалась на организмѣ. Въ физическомъ отношеніи она вела къ тѣмъ опаснымъ болѣзнямъ, о которыхъ мы сейчасъ упоминали, а въ отношеніи духовномъ она лишала поэта равновѣсія, необходимаго для истиннаго творчества. Рукоплесканія застольныхъ товарищей иногда соблазняли Пушкина искать „восторговъ скоротечныхъ“ у „минутныхъ друзей“, и онъ тратилъ „свой даръ, какъ жизнь, безъ вниманія“ (19 октября 1825 г.). „Въ безплодномъ вихрѣ суеты“ онъ не имѣлъ времени для того, чтобы спокойно рѣшить вопросъ, невольно возникавшій вмѣстѣ съ выступленіемъ поэта въ общество, и ставшій, какъ увидимъ впослѣдствіи, роковымъ вопросомъ всей его жизни, — именно вопросъ *объ отношеніи поэта къ обществу*.

Мы не будемъ подробно характеризовать тѣ общественныя настроенія, которыя господствовали въ русскомъ обществѣ во вторую половину царствованія Александра I. Для нашей цѣли достаточно лишь обозначить ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ.—Необычайный подъемъ патріотическаго духа, вызванный событіями 12 года, оставилъ послѣ себя въ русскихъ передовыхъ людяхъ различныя до противоположности настроенія.

Одни, какъ будто утомившись отъ испытанныхъ потрясеній, перешли къ мистицизму, съ которымъ уживалась консервативная реакція правительственныхъ сферъ. Другіе желали продолжить „дней Александровыхъ прекрасное начало“ и подъ вліяніемъ либеральныхъ стремленій, не раздѣляемыхъ реакціей, составляли тайные кружки и общества.

Примкнувъ къ „счастливый семьѣ младыхъ повѣсъ“ и вращаясь въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, Пушкинъ скоро разошелся съ обоими отмѣченными направленіями. Онъ несомнѣнно вынесъ изъ лицея „вольнолюбивыя мечты“, внушенныя лекціями проф. Куницына (хотя, разумѣется, и очень неясныя) и, повидимому, долженъ былъ послѣдовать примѣру своего друга Пущина, который тотчасъ по выходѣ изъ лицея поступилъ въ тайное общество. Но съ одной стороны самъ Пушкинъ еще не доросъ умственно до тѣхъ политико-экономическихъ и общественныхъ вопросовъ, которыми задавались члены тайнаго общества, а съ другой — эти послѣднія, имѣя въ виду увлекающійся характеръ и образъ жизни Пушкина, скрывали отъ него содержаніе своихъ бесѣдъ и чтеній. Конечно, Пушкинъ, всетаки, догадывался, о чемъ толкуютъ его друзья. Онъ попрежнему былъ близокъ съ Пущинымъ, Чаадаевымъ и другими членами либеральнаго общества; но ихъ недовѣріе къ серьёзности поэта нѣсколько оскорбляло его самолюбіе и вызывало съ его стороны ироническіе отзывы о задачахъ тайныхъ кружковъ [1]). Эта размолвка, правда, не была полнымъ разрывомъ: и не будучи членомъ общества, Пушкинъ во многомъ раздѣлялъ его образъ мыслей. Тѣмъ не менѣе, недовѣріе

[1]) Въ одномъ отрывкѣ (изъ романа въ письмахъ, 1828 г.) Пушкинъ говоритъ о людяхъ 1818 г., у которыхъ „строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ“. Та же иронія звучитъ въ названіи кружка Муравьева, Трубецкаго и друг. (впослѣдствіи — декабристовъ) „обществомъ умныхъ“ (Наброски для романа: Русскій Пеламъ).

тайнаго общества къ Пушкину и его неудовольствіе за то на друзей имѣли очень важное значеніе въ судьбѣ поэта. Благодаря такимъ отношеніямъ къ „обществу умныхъ“ Пушкинъ избѣжалъ впослѣдствіи катастрофы 14 декабря 1825 года, погубившей нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ нему людей.

Гораздо рѣшительнѣе выразился разладъ Пушкина съ сторонниками консервативнаго направленія. „Крупныя шалости“ быстро доставили Пушкину дурную извѣстность въ высшемъ обществѣ и среди представителей власти. Онъ сдѣлался въ глазахъ свѣта un mauvais sujet, „повѣсою, вѣчно праздныхъ“, ни на что не способнымъ, кромѣ героическихъ исторій. Этотъ взглядъ, забывавшій о выдающемся поэтическомъ дарѣ Пушкина, конечно, его глубоко оскорблялъ. Въ отплату за то Пушкинъ обратилъ противъ враговъ свое самое сильное оружіе—художественное слово. Его эпиграммы противъ высокопоставленныхъ лицъ широко распространялись на словахъ и въ рукописяхъ и, разумѣется, съ именемъ автора доходили по адресу. Эти ѣдкія сатиры далеко не были обдуманнымъ выраженіемъ либеральныхъ воззрѣній поэта. Только въ немногихъ изъ обличительныхъ произведеній той поры Пушкинъ касался вопросовъ общественнаго строя (таковы: элегія „Деревня“ (1819) и ода „Вольность“ (1820); всѣ же прочія сатиры были лишь „эпиграммами его сердца“ (Отрывокъ изъ романа въ письмахъ) [1]). Въ

[1]) Изслѣдователи расходятся въ оцѣнкѣ этихъ произведеній Пушкина. Одни видятъ въ нихъ серьезную заслугу поэта, „единственно возможное отмщеніе за нарушаемый здравый смыслъ“ (Пыпинъ). Другіе считаютъ этотъ родъ произведеній Пушкина „ниже его поэтическаго достоинства, а нѣкоторыя — ниже человѣческаго достоинства вообще“ (Влад. Соловьевъ). Лучшимъ судьею въ этомъ вопросѣ является самъ Пушкинъ. „Нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ,— говоритъ онъ, — и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви“ (Алекс. Радищевъ). Но, разумѣется, никто не станетъ искать любви въ ѣдкихъ эпиграммахъ Пушкина.

полемическомъ увлеченіи Пушкинъ смѣшивалъ *общество* съ отдѣльными *лицами*, забывая, что эти лица были во многомъ людьми своего времени и своими недостатками были въ значительной степени обязаны общественнымъ условіямъ. Разъ поддавшись этому заблужденію, Пушкинъ, къ сожалѣнію, не смогъ освободиться отъ него во всю дальнѣйшую жизнь.

Осмѣиваемые Пушкиномъ люди не могли отвѣчать ему тѣмъ же оружіемъ. Но они, всетаки, не остались въ долгу и избрали свой путь мщенія: они постарались опозорить Пушкина предъ общественнымъ мнѣніемъ. Кто-то пустилъ слухъ, будто Пушкинъ за свои стихотворныя проказы былъ приглашенъ въ III отдѣленіе и тамъ подвергся тѣлесному наказанію. Сплетня быстро распространилась. Не зналъ о ней только самъ Пушкинъ, но, наконецъ, и онъ узналъ. По собственнымъ его словамъ, онъ до того потерялся, что хотѣлъ прибѣгнуть съ самоубійству, чтобы смыть безчестіе. Но, подъ вліяніемъ размышленія и дружескаго совѣта, это отчаяніе нѣсколько уменьшилось. Считая безполезною всякую попытку оправдаться предъ правительствомъ, Пушкинъ прибѣгнулъ къ своеобразной мѣрѣ. „Я рѣшился,—говоритъ онъ,—выказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести“.... Это желаніе едва не осуществилось. Полиція довела до свѣдѣнія Государя „возмутительные стихи“ и эпиграммы Пушкина и, не смотря на рыцарскій поступокъ поэта у генералъ-губернатора [1]), ему грозила ссылка въ Соловки или въ Сибирь. Только заступничество друзей отвратило ему кару: ссылка была замѣнена высылкой изъ Петербурга и переводомъ на службу въ южную Россію.

---

[1]) Пушкинъ самъ написалъ на память свои вольныя стихотворенія, не дожидаясь допроса и розысковъ.

Отправляя Пушкина на югъ, правительство руководилось только желаніемъ поселить его подальше отъ Петербурга, но оно вовсе не имѣло въ виду при этомъ поставить поэта въ такія условія, при которыхъ онъ могъ бы остепениться. Послѣдней цѣли югъ совсѣмъ не могъ отвѣчать. Екатеринославъ, Кишиневъ, а затѣмъ Одесса, — всѣ эти города въ то время представляли удивительную смѣсь европейской цивилизаціи съ азіатскою распущенностью. Тамъ встрѣчались люди всѣхъ націй, и, благодаря этому, господствовала особая международная нравственность, т. е. было полное отсутствіе нравственныхъ правилъ. Бездѣятельная жизнь высшаго общества наполнялась кутежами и скандалами, которые часто оканчивались дуэлью.

Въ такой нравственной атмосферѣ Пушкинъ долженъ былъ провести около четырехъ лѣтъ. Если мы вспомнимъ, что уже въ Петербургской жизни равновѣсіе духовныхъ силъ поэта было нарушено, то легко поймемъ, какъ должна была сложиться внутренняя жизнь Пушкина на югѣ.

„Безъ слезъ оставилъ онъ съ досадой вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ“ (т. е. Петербурга). Въ первое время онъ былъ даже „глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно его, которыя окончательно уничтожили смѣшную клевету“. Но скоро поэтомъ овладѣли совсѣмъ иныя мысли и чувства. Забывая о томъ, чѣмъ вызвано изгнаніе, онъ сталъ считать себя невинною жертвою зависти, клеветы и свѣтской сплетни. Чувство озлобленія на несправедливость Петербургскаго свѣта приняло въ его душѣ невѣроятные размѣры и было перенесено на окружавшее поэта общество. Пушкинъ сталъ рисоваться полнымъ презрѣніемъ къ условнымъ обычаямъ свѣтской жизни, одеждѣ, манерамъ и т. п. Это настроеніе скоро нашло себѣ опору и идейное оправданіе въ байронизмѣ. Байронъ, „гордости поэтъ“, сдѣлался „властителемъ думъ“ нашего поэта. Въ цѣломъ рядѣ произведеній Пушкинъ, подражая Байрону, рисуетъ людей или добровольно

свергнувшихъ съ себя тяжелое иго общества или преслѣдуемыхъ закономъ и пытающихся жить „безъ власти, безъ закона“, подъ руководствомъ свободной мысли и чувства (Цыгане, Братья разбойники, Кавказскій плѣнникъ).

Но наиболѣе рѣзко обнаружился этотъ разладъ съ обществомъ у Пушкина въ религіозной области, именно—въ томъ вольнодумствѣ, которымъ отмѣчены годы пребыванія поэта на югѣ. Этотъ замѣчательный періодъ смущалъ и современниковъ Пушкина и его біографовъ. Многіе недоумѣвали, какъ могъ поэтъ дойти до такого вольномыслія, и, тѣмъ болѣе, какъ могъ онъ послѣ столь явнаго заблужденія возвратиться на путь вѣры. Конечно, „душа человѣка, по словамъ Пушкина,—есть недоступное хранилище его помысловъ“ (Анекдотъ о Байронѣ), и мы лишены возможности прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ тайну паденія и возрожденія поэта. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ достаточно данныхъ (въ произведеніяхъ самого Пушкина и въ свидѣтельствахъ близкихъ къ нему лицъ) для того, чтобы возстановить существенные моменты религіознаго кризиса въ жизни Пушкина.

Въ своихъ Петербургскихъ эпиграммахъ Пушкинъ жестоко осмѣивалъ, между прочимъ, и уродливыя проявленія господствовавшаго тогда въ высшихъ сферахъ мистицизма (князь А. Н. Голицынъ) и фанатизмъ нѣкоторыхъ пастырей церкви (извѣстный архим. Фотій). Мы не имѣемъ нужды рѣшать вопросъ о томъ, насколько правъ былъ поэтъ въ своихъ обличеніяхъ. Для насъ эти произведенія интересны только въ томъ отношеніи, что въ нихъ Пушкинъ еще строго отличаетъ самую религію отъ ея искаженныхъ обнаруженій и недостойныхъ носителей. Съ переѣздомъ на югъ это различіе въ сознаніи Пушкина, повидимому, все болѣе сглаживается. Религія становится въ его представленіи только одною изъ сторонъ той общественной жизни, которой поэтъ бросалъ гордый вызовъ. Отсюда „странности“ у Пушкина начинаютъ проявляться и въ отношеніи къ

религіи. Онъ такъ-же щеголяетъ вольнодумными сужденіями и неблагоговѣйнымъ поведеніемъ въ церкви, какъ и оригинальностью костюма. Особенно онъ любитъ дразнить своими вольностями людей съ строго-религіозными убѣжденіями [1]). Рядъ такихъ поступковъ завершается у Пушкина кощунственной поэмой (Гавриліада, 1823), которая была имъ написана „просто изъ молодого литературнаго щегольства“ [2]). Съ другой стороны, поэтъ, повидимому, съ полною искренностью даетъ своему брату въ письмѣ уроки эгоистическаго презрѣнія къ людямъ (1822 г.), а самъ беретъ въ Одессѣ у англичанина Гунчинсона „уроки чистаго аѳеизма“ (1824 г., мартъ). Такимъ образомъ, и внѣшняя и внутренняя жизнь Пушкина на югѣ носила явную печать безрелигіозности, угрожавшей окончиться для него полнымъ нравственнымъ разложеніемъ. — Что же удержало поэта отъ такой гибели? Со свойственною ему правдивостью онъ самъ ясно говоритъ, кому и чему былъ обязанъ спасеніемъ.

„Въ волненіи страстей“ Пушкинъ, прежде всего, не забывалъ „святую дружбы власть“. Письма Чаадаева и прочихъ друзей воспламеняли въ немъ „къ высокому любовь“ и стремленіе „въ просвѣщеніи стать съ свѣтомъ наравнѣ“. На дружескіе совѣты или укоры сердце Пушкина невольно отзывалось такою нѣжностью, которая была живымъ опроверженіемъ его теорій, внушенныхъ безнадежнымъ эгоизмомъ Байрона (совѣты брату быть холоднымъ со всѣми).

---

[1]) По словамъ Вигеля, такъ поступалъ Пушкинъ съ своимъ покровителемъ, генераломъ Инзовымъ, котораго, впрочемъ, никогда не могъ вполнѣ разсердить. Такой же характеръ имѣетъ и приводимый въ статьѣ г. Мацѣевича случай, когда Пушкинъ неблагоговѣйно отозвался о Евангеліи въ присутствіи одного духовнаго лица (Истор. Вѣстн., 1883 г., май).

[2]) Пушкинъ въ южной Россіи. Русск. Архивъ, 1866 г., стр. 1179.

Другимъ спасительнымъ геніемъ Пушкина была поэзія. „Я былъ ожесточенъ, говоритъ поэтъ: но... меня таинственнымъ щитомъ, святымъ прощеньемъ осѣнила поэзія, какъ ангелъ утѣшитель спасла меня“... (Чернов. наброски къ стихотв. „Вновь я посѣтилъ“...). Когда поэта охватывало вдохновенье, „признакъ Бога“ (Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ, 1824), онъ безсознательно отрѣшался отъ міра страстей и создавалъ такія произведенія, которыя изумляли всѣхъ своею возвышенною красотою. Особенно чистою становилась его душа въ тѣ минуты, когда она въ уединеніи созерцала величественныя красоты южной природы. „Страсти мои утихаютъ,—пишетъ Пушкинъ въ одну изъ такихъ минутъ,—тишина царитъ въ душѣ моей, ненависть, раскаяніе, все исчезаетъ,—любовь, одушевленіе... Покойны чувства, ясенъ умъ“... (Таврида, 1822). „Глубокій, вѣчный хоръ валовъ“ на берегахъ Тавриды въ душѣ поэта невольно превращается въ „хвалебный гимнъ Отцу міровъ“ (Евгеній Онѣгинъ, VIII, 4).

Но это благодѣтельное вліяніе на Пушкина поэтическаго вдохновенія обусловливалось не внѣшними воздѣйствіями, а самымъ нравственнымъ существомъ поэта. Здѣсь, въ глубинѣ его души и хранился главный источникъ его религіознаго возрожденія. — Мы видѣли выше, что въ юношескіе годы поэтъ изображалъ безвѣріе, какъ такое состояніе души, когда „умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ“. Теперь личный горькій опытъ заставилъ Пушкина сдѣлать перестановку въ приведенной антитезѣ. Въ то время, когда его „гордый умъ“ унижался предъ „идолами“ страстей, онъ чувствовалъ, что его „сердце, жертва заблужденій, среди порочныхъ упоеній, хранитъ одинъ святой залогъ, одно божественное чувство“... (Бахчисарайскій фонтанъ, 1822). Его „скептицизмъ былъ только временнымъ своенравіемъ ума, идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной“ (Анекдотъ о Байронѣ). Его „сомнѣніе—чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезаетъ, уничтоживъ поэтическіе предразсудки души“...

„Ты, *сердцу* непонятный мракъ, — восклицаетъ поэтъ, обращаясь къ мысли о безусловномъ отрицаніи загробнаго бытія,—пріютъ отчаянья слѣпого, *ничтожество*, пустой призракъ, не жажду твоего покрова!.. Я все не вѣрую въ тебя, ты чужда мысли человѣка, тебя страшится гордый умъ"!... (Сочиненія Пушкина, изд. Литер. Фонд., т. VII, стр. LVIII).

Что Пушкинъ, изображая въ такихъ чертахъ свое душевное состояніе, нисколько не ошибался въ самоанализѣ, — это подтверждается и нѣкоторыми лицами, близко знавшими его на югѣ. И посторонній, но внимательный взоръ открывалъ въ душѣ поэта „весь зарытый кладъ его правильныхъ сужденій и благородныхъ помысловъ, на кои накинута была замаранная мантія цинизма" (Ф. Вигель).

Эти лучшія, благородныя стороны души поэта, не для всѣхъ примѣтныя за его „страностями" на югѣ, ясно обнаружились въ то время, когда Пушкинъ, послѣ шумной жизни южныхъ городовъ, очутился въ уединенномъ с. Михайловскомъ [1]). Невольное одиночество, напоминавшее поэту „безлюдный островъ", сперва вызвало въ его душѣ горькія чувства озлобленія и скуки. Полный досугъ позволилъ ему всецѣло отдаться чтенію, при чемъ, среди разнообразныхъ книгъ, интересовавшихъ Пушкина, мы видимъ и Библію, о присылкѣ которой онъ усиленно проситъ брата. Спокойствіе деревенской обстановки невольно передается душѣ поэта. Среди напряженной умственной работы, онъ чувствуетъ, что его „силы раскрылись совершенно". И дѣйствительно, двухлѣтняя жизнь въ Михайловскомъ ознаменована множествомъ произведеній, значительныхъ и по внѣшнему объему и по внутреннимъ достоинствамъ (Борисъ Годуновъ, четыре главы Евгенія Онѣгина и проч.). Между ними мы видимъ значительное количество и произведеній чисто-религіознаго характера. По-

[1]) Онъ былъ высланъ сюда за то самое письмо, гдѣ говорится объ урокахъ „аѳеизма".

слѣднія, правда, имѣютъ попреимуществу форму подражаній (Подражанія кн. Пѣснь Пѣсней, Корану и проч.); но, какъ справедливо замѣтилъ уже одинъ изслѣдователь, подъ этой заимствованной оболочкой скрывалось собственное религіозное чувство Пушкина [1]). Своей наибольшей высоты это религіозное настроеніе достигаетъ въ „пророкѣ“, гдѣ поэтъ показалъ, насколько глубоко его душа могла проникаться библейскими образами.

Если мы попытаемся кратко опредѣлить характеръ религіознаго развитія Пушкина во второй періодъ его жизни, то для этой цѣли лучше всего воспользоваться слѣдующей строкою одного изъ Пушкинскихъ переводовъ: „Невѣрить хочетъ онъ, хоть вѣритъ“... (Изъ Аріоста). Дѣйствительно, въ бурные годы изгнанія— Пушкинъ, повидимому только, старается сомнѣніями ума побороть въ себѣ вѣру сердца. Но религія, этотъ „вѣчный источникъ поэзіи у всѣхъ народовъ“ (Мысли на дорогѣ), даже помимо воли заблуждающагося поэта, отражается въ его произведеніяхъ и возвышаетъ его надъ міромъ страстей. При такомъ содѣйствіи поэзіи, сердце поэта одерживаетъ побѣду надъ его разумомъ и плѣняетъ его въ послушаніе вѣры.

---

[1]) *Анненковъ*. Пушкинъ..., стр. 304.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

(1826—1837 гг.).

„...Полдень мой насталъ...
„Довольно! Съ ясною душою
„Пускаюсь нынѣ въ новый путь
„Отъ жизни прошлой отдохнуть“...
(Евг. Онѣгинъ, VI, 45, 1826 г.).

Съ такимъ сознаніемъ вступалъ Пушкинъ въ новый періодъ своей жизни. Но, какъ ни законно было это желаніе „отдыха“, — ему не суждено было осуществиться. До самой смерти Пушкинъ боролся и съ своей „неуимчивой“ [1]) природой, и съ людьми, которые не хотѣли забыть его прошлую жизнь, и съ обстоятельствами, которыя складывались для поэта очень неудачно и часто омрачали „ясность“ его души.

Почувствовавъ себя очень тяжело среди столичнаго шума, послѣ уединенной жизни въ Михайловскомъ, и томимый скукой, Пушкинъ нѣсколько лѣтъ ведетъ скитальческую жизнь (переѣзды изъ одной столицы въ другую, путешествіе на Кавказъ). Въ 1831 году онъ женится, въ надеждѣ, что его жизнь, войдя въ обычную колею, пойдетъ болѣе спокойно. Вмѣстѣ съ женитьбой на Пушкина легло тяжелое бремя заботъ о матеріальномъ благосостояніи. Къ удивленію многихъ, онъ становится образцовымъ семьяниномъ, любящимъ

[1]) Такъ звала Пушкина няня.

мужемъ и нѣжнымъ отцемъ. Но, съ другой стороны, эта же семейная жизнь, втягивавшая поэта въ „большой совѣтъ“ со всѣми его увеселеніями, пересудами и сплетнями, доставляетъ Пушкину невыносимыя нравственныя страданія. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ поэтъ часто теряетъ спокойствіе, а вмѣстѣ съ этимъ—его покидаетъ иногда на цѣлые мѣсяцы и вдохновеніе.

Такое тревожное состояніе не осталось безъ послѣдствій и въ области религіозныхъ мыслей и чувствъ поэта. Оно отразилось здѣсь двояко. Съ одной строны, томленіе духа среди житейской суеты заставляло Пушкина все чаще „сердцемъ возлетать во области заочны, чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ“ (Молитва). Онъ постоянно читаетъ Библію, заучиваетъ особенно трогательныя молитвы православной церкви и часто ведетъ серьезныя бесѣды о религіозныхъ вопросахъ [1]). Отсюда и въ произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ мы видимъ значительное количество библейскихъ образовъ и яркихъ выраженій сильнаго религіознаго чувства (Ангелъ, Мадонна, Юдиѳь, Странникъ, Къ распятію, Молитва и проч.). Что эти проявленія религіозной настроенности были вполнѣ искренними,—доказательствомъ того служатъ письма поэта къ его женѣ, гдѣ трогательная заботливость о семействѣ у Пушкина весьма часто говоритъ языкомъ религіи. Ко всему этому нужно прибавить, что сердце Пушкина теперь наполняется жгучимъ раскаяніемъ при воспоминаніи о легкомысленныхъ выходкахъ противъ религіи въ годы

---

[1]) Образцы подобныхъ бесѣдъ приведены въ запискахъ А. О. Смирновой (Спб. 1895. Часть I.—Здѣсь же можно видѣть, какъ измѣнились отзывы Пушкина о религіозныхъ поэтахъ, напр. о Мильтонѣ, сравнительно съ лицейскими годами). Извѣстный польскій поэтъ Мицкевичъ, знавшій Пушкина въ послѣдніе годы его жизни, говоритъ о немъ: „Онъ любилъ разсуждать о высокихъ религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ, о которыхъ и не снилось его соотечественникамъ“...

пребыванія на югѣ.—Но, прибѣгая къ утѣшеніямъ религіи, Пушкинъ хорошо сознавалъ, что та жизнь, которую онъ велъ, была очень далека отъ „узкаго пути спасенья“ (Странникъ). Поэтому Пушкинъ съ особою любовью рисовалъ для себя въ воображеніи иную, лучшую жизнь, гдѣ религія должна занять подобающее ей мѣсто. „Покоя сердце проситъ,—говоритъ онъ незадолго до своей кончины: давно завидная мечтается мнѣ доля, давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ... О, скоро ли перенесу я мои пенаты въ деревню? Поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь.... *религія*, смерть“ [1])....

Но, какъ ни часто Пушкинъ „погружался духомъ въ божественное краснорѣчіе“ Евангелія, были, всетаки, случаи, когда „однозвучный жизни шумъ“ заглушалъ у поэта голосъ религіознаго чувства и исторгалъ у его лиры „злобные звуки“. Въ минуты „праздной скуки“ жизнь ему казалась „даромъ напраснымъ, даромъ случайнымъ“. И чѣмъ сильнѣе были эти приступы сомнѣнія и злобы, тѣмъ глубже было слѣдовавшее за ними раскаяніе. Послѣднимъ и наиболѣе сильнымъ изъ такихъ приступовъ былъ порывъ крайняго раздраженія, который привелъ Пушкина къ несчастной дуэли. Но въ послѣдніе часы жизни та буря, которая волновала душу поэта неодолимой страстью, (по словамъ Жуковскаго и другихъ свидѣтелей его кончины), исчезла безслѣдно. Онъ умеръ со словами христіанской любви и прощенія на устахъ, такъ что напутствовавшій его духовникъ говорилъ (кн. Вяземсому) со слезами о благочестіи, съ которымъ умирающій исполнилъ христіанскій долгъ. „Никогда, говоритъ Жуковскій, на лицѣ Пушкина не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли (какъ въ первыя минуты смерти). Она, конечно, таилась въ немъ и прежде,

---

[1]) Сочиненія, изд. Литер. Фонд., т. II, стр. 193; т. VII, стр. LIX.

будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина"...

Мы изложили общій ходъ духовной жизни Пушкина и отмѣтили тѣ ступени, которыми шло его религіозное развитіе. И хотя въ большинствѣ случаевъ мы ограничивались только передачей наиболѣе существенныхъ фактовъ, оставляя въ сторонѣ подробности, — смѣемъ думать, что читатель согласится признать нашу задачу выполненной въ ея первой половинѣ. Читатель согласится съ нами именно въ томъ, что не только возможно ставить вопросъ о религіозной сторонѣ Пушкинской поэзіи, но и необходимо придти въ рѣшеніи этого вопроса къ положительному результату. Съ дѣтства до могилы, не смотря на бурныя увлеченія молодости, религіозная вѣра жила въ душѣ Пушкина и, освѣщая ему жизненный путь, ярко отражалась и въ лучшихъ его произведеніяхъ. Что же касается тѣхъ звуковъ „безумства, лѣни и страстей", которые иногда раздавались на лирѣ Пушкина, то станемъ ли мы жестоко осуждать поэта за нихъ, послѣ того какъ онъ самъ произнесъ надъ ними столь строгій судъ? Будемъ ли ставить ему въ вину религіозныя колебанія и сомнѣнія, зная условія его воспитанія и послѣдующей жизни! Не скажемъ ли мы, наоборотъ, вмѣстѣ съ поэтомъ, что „геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества"?... (Журнальная статья: Вольтеръ).

Но тотъ результатъ, къ которому привело насъ предшествующее изложеніе, какъ мы сказали, составляетъ только одну сторону нашей задачи. Чтобы достигнуть своей цѣли вполнѣ, мы должны еще показать, что изученіе жизни и поэзіи Пушкина приводитъ къ признанію не только религіознаго *элемента* или

религіозныхъ *мотивовъ* [1]) въ его творчествѣ, но именно-религіозныхъ *идеаловъ*. Мы хотимъ этимъ сказать, что религіозная сторона жизни и творчества Пушкина не исчерпывается одними лишь случайными,—хотя бы и довольно сильными,— обнаруженіями въ поэтической формѣ благочестивыхъ мыслей и чувствъ, но что за этими художественными проявленіями у Пушкина скрывались вполнѣ опредѣленныя религіозныя чаянія. Въ подтвержденіе этой мысли мы не будемъ ссылаться на ясное пониманіе Пушкинымъ основныхъ нравственныхъ истинъ христіанства, на его разсужденія о событіяхъ евангельской исторіи и т. п. [2]). Если мы передадимъ только высказанные Пушкинымъ взгляды на историческія судьбы и задачи православно-русской церкви, то и этого достаточно будетъ для сужденія о томъ, насколько серьезно и осмысленно относился Пушкинъ къ вопросу о вѣрѣ и церкви.

Другъ Пушкина, П. Я. Чаадаевъ, въ одномъ изъ своихъ „Философическихъ писемъ“ (1836 г.) высказалъ нѣсколько мыслей о русской церкви въ духѣ того направленія, которое впослѣдствіи получило названіе *западничества*. Не смотря на все расположеніе къ Чаадаеву и единомысліе съ нимъ по многимъ вопросамъ, Пушкинъ поспѣшилъ сдѣлать своему пріятелю рядъ вѣскихъ возраженій. „Нѣтъ сомнѣнія,—писалъ онъ,—что схизма насъ отдѣлила отъ остальной Европы и что мы не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали. Но у насъ было наше собственное призваніе. Россія, ея громадныя пространства поглотили Монгольское завоеваніе. Татары не

---

[1]) Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду двѣ юбилейн. брошюры: 1) *Свящ. І. Троицкаго*, Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Кіевъ. 1899; 2) *С. Рунгевича*, Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина. С.-Петербургъ. 1899.

[2]) Обо всемъ этомъ см. упомянутые выше „Записки» Смирновой.

посмѣли перейти наши западныя границы и оставить насъ въ тылу. Они удалились въ свои пустыни, и христіанское просвѣщеніе было спасено. Для этого намъ пришлось жить совершенно особою жизнью, которая оставила насъ христіанами, и между тѣмъ совершенно отчудила насъ отъ христіанскаго міра, такъ что, благодаря нашему мученичеству, католическая Европа безъ помѣхи могла энергически развиваться.

Вы говорите, — продолжаетъ Пушкинъ, — что мы черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была достойна презрѣнія и презираема, и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился евреемъ, и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ евангеліе отъ этого менѣе дивно? Мы приняли отъ грековъ евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочносчи и преній. Нравы Византіи никакъ не были нравами Кіева. Русское духовенство до Ѳеофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства, и конечно не вызвало бы реформаціи въ минуту, когда человѣчество нуждалось больше всего въ единствѣ“... Туже мысль о важномъ историческомъ значеніи русскаго духовенства и о необходимости для него серьезнаго образованія Пушкинъ развиваетъ въ одной замѣткѣ 1822 г.: „Екатерина явно гнала духовенство, угождая духу времени. Но, лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ [1]). Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію. Отъ сего происхо-

[1]) Подобную же мысль находимъ и въ запискѣ „О народномъ воспитаніи“: „Преобразованіе семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія“.

дитъ въ нашемъ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными: можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ насчетъ всего церковнаго. Жаль, ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ. Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися, какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святынею религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ... Мы обязаны монахамъ нашей исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ“...

Проникнутый сознаніемъ столь важнаго значенія церкви и духовенства въ историческихъ судьбахъ русскаго народа, Пушкинъ не опустилъ изъ вниманія и той важной задачи, которая предстояла нашей церкви въ 20—30-хъ годахъ, при завоеваніи Кавказа. На вопросъ: что надо сдѣлать для умиротворенія этого бурнаго края? Пушкинъ отвѣчаетъ: „Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка (чѣмъ вліяніе торговыхъ сношеній, роскоши и т. п.): проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, липеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и

Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ... Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ“... (Путешествіе въ Арзрумъ). Такія высокія мысли высказывалъ человѣкъ, слывшій за безбожника и страдавшій за эту репутацію!... Если мы дополнимъ изложенные взгляды Пушкина нѣкоторыми его проэктами литературныхъ работъ (напр., планъ поэмы: Галубъ;—Программа разсказа, начин. словами: Цесарь путешествовалъ... и т. п.), то намъ станетъ ясно, что тѣ возвышенные идеалы истины, общественнаго блага и художественной красоты, которые Пушкинъ высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ, въ его душѣ находили свое высшее единство и опору въ идеалахъ религіозныхъ. Мы поймемъ также, насколько справедливы были заявленія („Маяка“ и „Домашней бесѣды“) о томъ, что у Пушкина совсѣмъ нѣтъ религіозности и что онъ изображаетъ только растлѣнную человѣческую жизнь безъ всякаго стыда и страха Божія [1]). По поводу этихъ упрековъ мы можемъ теперь только сказать вмѣстѣ съ однимъ поэтомъ:

„Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный...
Вооружись небесными громами
Нашъ падшій духъ взвести на высоту,
Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту“...

(Некрасовъ).

---

[1]) Подробн. см. въ книгѣ *С. Трубачева*: Пушкинъ въ русской критикѣ Спб. 1889. Стр. 312—324.

Юбилейные Пушкинскіе дни приблизили русское общество къ сознанію того, что полвѣка назадъ было высказано однимъ критикомъ: „Придетъ время, говорилъ онъ, когда Пушкинъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать не только эстетическое, но и *нравственное* чувство“.

БИБЛІОТЕКА
[illegible]ТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.